

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

В. М. Платонов

ТРАДИЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭФИОПИИ

Вначале несколько предварительных замечаний по поводу обозначенной темы. Ее научное значение представляется нам неоспоримым ввиду той важной роли, которую играли на протяжении многих веков традиционные церковные и монастырские школы в Эфиопии. Полагаем также, что она имеет и определенное общественное значение в связи с резко возросшим в последние годы интересом общественности к вопросам культурного наследия. К тому же, как мы увидим ниже из краткого обзора источников, ни в европейской, ни в отечественной литературе тема традиционного образования в Эфиопии до сих пор должным образом не разработана. Степень ее изученности, несмотря на относительно неплохую обеспеченность эфиопскими материалами, представляется совершенно неудовлетворительной.

В предлагаемой вниманию читателей статье дается сравнительно подробное описание структуры традиционного образования в Эфиопии, традиционных школ, способов и приемов обучения и оценка социальной функции традиционного образования (см. также [2, с. 218—226]).

Эфиопия издревле обладала уникальной системой церковных и монастырских школ, которая вплоть до начала XX в. являлась единственным средством образования в стране и до 40-х годов сохраняла господствующее положение в этой области. В эфиопской провинции, в глубинке, она существует и по сей день, играя определенную роль в деле начального образования. В течение многих столетий церковные школы в Эфиопии являлись главным инструментом сохранения, передачи и распространения эфиопского культурного наследия. Значительным было влияние этих школ и на эфиопское общество в целом, на его обрядовую и бытовую жизнь, его ценностные ориентации, социальную психологию.

Традиционное образование во многом определяло особенности бытования рукописной книги в Эфиопии, отношение к ней (характеризующееся традиционным пиететом), жанры и даже некоторые своеобразные черты эфиопских средневековых текстов. Так, говоря о цитатах из библейских книг в трудах

эфиопских книжников, Б. А. Тураев замечает: «Несмотря на духовное происхождение агиобиографов, эти цитаты далеко не всегда точны и правильны: они делались по памяти и часто уклоняются от подлинного текста. Только заимствования из Псалтири почти всегда точны, что и понятно ввиду того, что книгу эту все знали наизусть» [3, с. 40—41]. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, объясняется особенностями традиционного образования.

Таким образом, изучение традиционного образования в Эфиопии является своего рода ключом к пониманию многих аспектов эфиопской культуры, которая до недавнего времени оставалась «вещью в себе». Разумеется, в эфиопских хрониках, в житиях святых, в сочинениях европейских путешественников и миссионеров можно встретить отдельные упоминания о церковных и монастырских школах, изучаемых там книгах и даже отдельных учителях (как правило, воспитателях царских детей). Тщательный подбор и анализ всех этих отрывочных данных представляется необходимым для исследования вопроса в историческом аспекте. Кое-что в этом направлении уже сделано (см. [12, с. 241—244]), но основная работа еще впереди.

Вместе с тем появившиеся в последние годы материалы, дающие описание системы традиционного образования в Эфиопии как бы изнутри, делают возможным уже сегодня получить о ней определенное представление.

В 1962 г. уроженец Годжама авва Киданэ Марьям Гетахун, закончивший и традиционную и современную духовную школы, публикует небольшую книгу о традиционном образовании в Эфиопии под названием «Странствующий студент былого времени» [6]. Толчком к ее написанию послужило пренебрежительное отношение учащихся к церковному образованию [6, с. 104]. Восстановлению морального авторитета церковного образования и посвящена книга, интересная главным образом массой бытовых подробностей о жизни странствующих студентов. В 1965 г. Институт эфиопских исследований публикует на амхарском языке воспоминания Энбакома Калевольда, уроженца Шоа, получившего в скитаниях из одного учебного центра в другой высшее духовное образование и специализировавшегося в провинции Годжам на искусстве кыне, т. е. духовного стихосложения [4]. В 1970 г. появляется книга Хабтэ Марьяма Воркнэха, ныне декана Богословского института св. Павла в Аддис-Абебе, посвященная традиционному церковному образованию в Эфиопии (см. [5]).

Все эти работы содержат интереснейший материал по традиционному образованию в Эфиопии, хотя и носят апологетический характер. Попытки критического осмысления системы церковного образования в Эфиопии предприняты в ряде статей европейски образованных эфиопских ученых: Гырма Амаре [7] и Хайле Габриэля Дане [8; 9].

Основываясь преимущественно на упомянутых материалах, мы и попытаемся описать систему традиционного образования в Эфиопии. Во многом еще спорные и неясные вопросы становления и исторического развития этой системы оставлены нами в стороне. Не касаемся мы и проблематики, связанной с традиционным образованием у эфиопских мусульман (см. [9, с. 349—353]), а также у эфиопских иудаистов — фалаша.

Априори можно предположить, что церковное образование в Эфиопии зародилось в Аксуме в первые века распространения в стране христианства и становления здесь христианской церкви, т. е. уже в IV—VI вв. Церковь как организация нуждалась, естественно, в воспроизводстве собственных кадров, в обучении миссионеров для увеличения сферы своего влияния. С расширением Эфиопского государства и постепенным перемещением его центра в южном направлении (при Загвях — в область Ласта, при Соломонидах — в Шоа) и параллельным этому процессу распространением христианства на южные и юго-западные области Нагорья там основывались церкви и монастыри, становившиеся важнейшими центрами средневековой культуры и образования.

В целом та система церковного образования, которая зафиксирована источниками, сложилась, видимо, в эпоху золотого века эфиопской церкви и государственности (XIII—XVI вв.) и в основных чертах сохранилась вплоть до наших дней, существуя со времен Менелика II со школой светской (см. [12, с. 259]). Важнейшим этапом в совершенствовании этой системы был гондэрский период (1636—1855), характеризующийся особо ярким расцветом эфиопской культуры. Гондэр долгое время являлся центром политической, культурной и церковной жизни. Гондэрские императоры покровительствовали искусствам и ремеслам, поощряли книжную премудрость. Со всех концов страны стекались в Гондэр ученые и студенты. Сюда же были перенесены резиденции митрополита и ыччеге¹, превратившие Гондэр и в средоточие церковной жизни.

При Иясу II (1730—1750) в Гондэре насчитывалось более 500 мэмхыров, т. е. ученых-наставников [11, с. 25]. Именно в гондэрский период окончательно сформировались высшие церковные школы: пеня (зема бет), духовной поэзии (кыне бет) и экзегезы (мэцхаф бет). Высшего расцвета достигли в этот же период каллиграфическое искусство, церковная живопись и архитектура.

Так постепенно сложилась в Эфиопии довольно стройная система церковного образования, в достаточной степени удовлетворявшая социальные потребности экономически неразвитого общества средневекового типа.

Через систему школ церковь обеспечивала прежде всего воспроизводство собственных кадров. Наряду с этим она же поставляла грамотных людей, которые привлекались на государственную службу в качестве писцов, секретарей, чиновни-

ков и т. д. Нередким явлением было совмещение в одном лице церковной и государственной должностей. (Так, например, министр Пера, секретарь и историограф Менелика II Гэбрэ Сэлласе был одновременно старостой церкви архангела Рагуила в Аддис-Абебе.)

Надежда занять важную церковную или государственную должность была одним из самых сильных стимулов в стремлении получить высшее церковное образование, на что уходило около 30 лет упорного труда, лишений и скитаний из одной знаменитой школы в другую, от одного известного учителя к другому.

Из чего состоит и как функционирует² система церковного образования в Эфиопии?

Применяя к этой системе наши привычные понятия о начальной, средней и высшей школах (сами эфиопы таких понятий в отношении традиционных церковных школ не употребляют), в ней можно выделить следующие ступени по уровню подготовки: начальную — ныбаб бет (Дом чтения), среднюю — кыддасе бет (Дом литургии) и высшую, состоящую из зема бет (Дома пения), кыне бет (Дома поэзии) и мэццаф бет (Дома писания). Отметим, что любая из названных школ в качестве некоей конгрегации, объединяющей учителя и учеников и живущей по строго определенным правилам, именуется также словом «собрание» (губа'е), как и сирийская средневековая школа. Письменные уставы средневековых сирийских школ сохранились и рассмотрены в работе Н. В. Пигулевской [1, с. 46—106]. Уставы эфиопских школ, видимо, не записывались. Но они определенно существовали и существуют, обозначаясь словом «дэнб» [4, с. 5]. Этим неписаным уставом определяется вся жизнь церковной школы: расписание занятий, правила поведения учеников, порядок наложения дисциплинарных взысканий.

Начальная школа. Начальное церковное образование дается, как отмечалось, в Доме чтения. Такие школы имеются практически при всех церквях и монастырях, во многих деревнях (а в прежние времена и в феодальных усадьбах). Статистических данных о количестве Домов чтения (как, впрочем, школ средней и высшей ступеней) нет. Но если число церквей и монастырей в Эфиопии ко времени революции 1974 г. составляло, как полагают, не менее 15 тыс. [9, с. 339], то приблизительно столько было, очевидно, и начальных школ. В каждой такой школе, по устным данным, было в среднем до 20 учеников — значит, во всех начальных школах могло обучаться одновременно около 300 тыс. человек. Для Эфиопии это, разумеется, немного (к 1974 г. от 90 до 93% населения было, как известно, неграмотным), но следует иметь в виду, что всеобщая грамотность и не являлась целью этой системы образования.

В школу шли дети из относительно благополучных семей христианского вероисповедания. Значительная часть крестьян-

ских детей вовсе не посещала школу, так как родители не могли позволить себе освободить их от необходимых сельскохозяйственных работ.

Дети в Эфиопии очень рано становятся самостоятельными. С шести или семи лет они уже оказывают существенную помощь в ведении хозяйства: мальчики пасут скот, девочки помогают по дому, носят воду, ходят за дровами. Девочки, кстати, имеют такое же право на обучение, но социальная традиция препятствует (во всяком случае, так было до революции 1974 г.) его реализации. Считается, что место девочки — дома, а обучаться она должна лишь рукоделию и ведению домашнего хозяйства (известны, впрочем, имена монахинь, сумевших приобрести репутацию выдающихся ученых-книжников; особенно много было их в Годжаме [5, с. 66]).

Дети богатых феодалов получали, как правило, домашнее воспитание.

Что же такое Дом чтения? Это школа одного учителя, которым является обычно священник или мирянин с церковным образованием. Содержит учителя, как правило, приход, выплачивая ему 10—15 эфиопских долл. в год, снабжая его хлебом и другими продуктами [4, с. 11]. Нередко, впрочем, учителя преподают бесплатно, получая от родителей учеников подарки, помощь по хозяйству и подрабатывая перепиской книг, плетением циновки, зонтиков и т. п. Приличное содержание получали учителя, которых нанимали феодалы.

Помещается такая школа обычно за церковной оградой, а кровлей ей служит крона раскидистого дерева. Учитель сидит на низенькой скамейке. Рядом с ним лежит длинный хлыст (физическое наказание нерадивых школяров считается делом душеполезным), а в руках — Псалтирь. 5—7-летние ученики группами по два-три человека сидят перед ним на земле. Старшие (продвинувшиеся) ученики обучают младших, учитель следит за первыми и время от времени проверяет младших. Главная задача Дома чтения состоит в том, чтобы обучить детей читать богослужебные книги на мертвом языке геэз. Письму обучают не везде, так как оно не считается столь же необходимым для церковной службы, как чтение. Более того, некоторые учителя запрещают ученикам писать, опасаясь, что они используют эти знания для «чернокнижия», т. е. изготовления магических текстов, осуждаемых церковью. Хабтэ Марьям Воркнэх упоминает даже о церквях, где к священству не допускаются люди, умеющие писать: например, собор Мэканэ Иесус в провинции Бэгемдыр [5, с. 37].

Начинают обучение с запоминания 231 слога эфиопского силлабария. Силлабарий записывается обычно на свитке пергамента, который ученик носит с собой. Во время учебы он разворачивает свиток и закрепляет его концы на палке с помощью веревочек. Под руководством учителя ученик громко произносит слоги, указывая на них соломинкой поочередно сле-

ва направо. Так он запоминает весь силлабарий подряд, но путается при чтении слогов вразбивку. Затем учитель заставляет его читать силлабарий справа налево, затем сверху вниз. Для лучшего запоминания отдельных слогов употребляется и такой порядок их записи, когда число слогов в семи порядках силлабария остается постоянным, но место их изменено, так что слоги приходится запоминать как бы вразбивку. Это так называемая абугида, где сохранился традиционный семитский порядок букв алфавита.

Наряду с силлабанием (фидэль) ученикам дается понятие о цифрах и счете (хисаб). Выучив слоги, ученик начинает читать тексты. Первый текст составляют обычно стихи с 1-го по 7-й 1-го Послания апостола Иоанна, называемые «Азбукой апостольской» («Фидэле хаварья»). Сначала ученик читает слоги по отдельности, распевая их. Это кутыр — счет. Затем он пытается соединить слоги в слова. Это гы'ыз — первое чтение. Упражнения повторяются несколько недель или месяцев. Затем он переходит к так называемому малому чтению (вырд ныбаб). Здесь обращается внимание на правильное соединение слов в смысловые единицы, ударение, удвоение согласных, которое никак не обозначается на письме, и т. п. Последняя ступень чтения — кум ныбаб, т. е. полное, совершенное чтение. Это уже беглое чтение без ошибок.

После «Азбуки апостольской» ученики переходят к чтению других текстов, выбор которых зависит от наличия книг. Обычно это так называемые соборные послания, именуемые «Гэбэта хаварья», т. е. «Переплет апостольский»³, Послания апостола Павла, Евангелие от Иоанна. Важнейшая и неперемнная книга — Псалтирь. Это главная литургическая книга Эфиопской церкви. Несколько раз вся Псалтирь прочитывается методом «малого чтения», затем в течение месяца — методом «полного чтения». Многие ученики, таким образом, запоминают всю Псалтирь наизусть. Это особенно важно для тех, кто желает продолжить образование, так как псалмы употребляются и в литургии, и в гимнографии, и при сочинении духовных стихов.

Чтению посвящаются утренние (с 8 до 12) и послеобеденные (с 14 до 17) часы [4, с. 5]. В вечерние часы (с 19 до 21) происходит устное обучение (екаль тымыхырт) [4, с. 7]. Ученики твердят наизусть наиболее употребительные молитвы («Отче наш», «Верую» и др.) и церковные гимны. Из последних заучиваются «Песнь песней» Соломона, «Песни пророческие», «Похвалы Богородице» («Выддасе Марьям»), приписываемые Ефрему Сирину, «Врата света» («Анкэцэ бырхан») — похвалы Богородице, приписываемые Яреду-сладкопевцу (VI в.). Заучиваются наизусть и так называемые образы (мэльк), т. е. стихотворные гимны, в которых в определенной последовательности восхваляются органы тела того или иного святого, являющиеся вместилищем определенных духовных качеств

и добродетелей. В начальной школе учат только два таких гимна: «Образ Марии» и «Образ Иисуса» [4, с. 7]. На устных занятиях проходят и так называемые «Столпы таинств» («А'ымадэ мыстир»), представляющие собой краткий катехизис на амхарском языке в форме диалога (вопрос — ответ). Катехизис излагает учение церкви о таинствах Троицы, Воплощения, Крещения, Евхаристии и Воскресения мертвых.

В большей части начальных школ учеников обучают и письму. Чернила при этом ученики изготавливают сами по рецепту учителя. Для этого собирают сажу со сковородок, поджаривают и толкут листья растения харэг эреса (*Melothria tomentosa*, из семейства тыквенных), все это смешивают и добавляют воду. После трехдневной выдержки в овечьем роге чернила — хотя и не очень высокого качества — готовы. Перья изготавливают из стеблей тростника или бамбука. Писчим материалом служат бычьи кости, гладкие дощечки. Используют их многократно, смывая чернила. Имя божие на этих материалах, однако, не пишут, ибо смывать его — грешно. За 3—4 месяца ученики выучиваются довольно сносно писать [4, с. 11].

Параллельно с обучением идет и нравственное воспитание. Ученики постигают добродетель послушания, скромности, уважения к старшим. Помощь учителю по хозяйству входит в обязанности ученика, так же как и внешние проявления уважения: приходя на занятия и уходя с них, ученики целуют ноги учителю. С полудня субботы и до понедельника школяры отдыхают. Не учатся они и по большим праздникам: на Рождество, Крещение, Пасху и т. д. В праздничные дни ученики, однако, обязательно присутствуют на богослужении, а многие даже прислуживают в церкви в качестве дьяконов. В школе строго соблюдаются все посты. За нарушение поста школяра ожидает суровое наказание — десять ударов плеткой [1, с. 12].

Таким образом, за два-три года «псалтирное чадо» (дэккэ мэзмур), как называют учеников начальной школы, осваивает чтение, счет, молитвы, письмо и, как правило, выучивает наизусть Псалтирь. Этим учение и заканчивается. Учитель посылает родителям ученика радостную весть о том, что такой-то выучил наизусть Псалтирь. Это важное событие в жизни ребенка. Родители ученика устраивают по такому случаю праздник. Приглашают учителя, соучеников, крестного отца, родственников. Гордые родители преподносят учителю дары: быка или корову (если они богаты), барана или козу (если они бедны), иногда — деньги. Бывший ученик одаривается обычно новой одеждой и деньгами. Устраивается пир. Затем герой дня встает посредине собрания и по указанию учителя читает что-нибудь из Псалтири под одобрительные рукоплескания присутствующих [4, с. 9].

Для большей части учеников с окончанием начальной школы завершается и вся учеба. Знатор Псалтири обладает в деревне определенным престижем. Он может читать и писать

письма, прислуживать в церкви, исполняя обязанности дьякона. В отсутствие священника он читает молитвы при совершении некоторых религиозных обрядов.

Средняя школа. Те из учеников, которые хотят продолжить свое образование и выбирают духовную карьеру, идут в литургическую школу — кыддасе бет. Такая школа имеется обычно при любой близлежащей церкви, и посещающий ее ученик, как правило, еще не порывает с родительским домом. В литургической школе учитель обучает своих учеников обязанностям дьякона (гыбрэ дикуна) и священника (гыбрэ кысна) во время совершения литургии. В эту школу идут обычно дети клириков, владеющих церковной землей, чтобы стать дьяконами или священниками при церкви и сохранить землю в семейном владении. Притягательной была должность священника до революции 1974 г. и для арендатора или безземельного крестьянина, так как она была связана с правом на владение земельным наделом.

Обязанности священника при алтаре сравнительно несложные и требуют лишь знания употребляемых во время литургии песнопений и определенных ритуальных действий при осуществлении церковных таинств. В литургических школах обучают только песнопениям — все остальное, включая различные обряды и требы, усваивается учениками в ходе повседневной церковной практики. Кроме того, каждого из учеников учитель отправляет к какому-нибудь из монахов или священников в качестве помощника. Таким образом ученик знакомится со своими будущими обязанностями, которые ограничены преимущественно обрядовой стороной. Поэтому для рукоположения молодого человека в сан священника от него не требуется особенно глубоких знаний христианского учения, догматики или патристики. Именно это обстоятельство давало повод многим иностранцам считать невежественным весь эфиопский клир и поражаться той легкости, с какой целые массы претендентов рукополагались митрополитом в течение одного дня в священнический сан.

Посвящаемые в сан священника должны быть женаты церковным браком и выдержать нечто вроде экзамена. Проверяется умение читать богослужебные тексты. Служащие священники должны отличаться безупречным поведением и высокой нравственностью. В дьяконы посвящаются мальчики 8—12 лет. Женившись, молодой человек уже не может быть дьяконом. Он или добывается священнического сана, или переходит в разряд мирян. Для обучения довольно несложным обязанностям дьякона или священника требуется не более полугода. Многие из этих обязанностей усваиваются к тому же уже в начальной школе, и претенденты овладевают ими, как правило, без особого труда.

Высшая школа. Священник при алтаре служит обедню и совершает таинства, важнейшим из которых является таинст-

во евхаристии. Однако до литургии и после нее имеют место чтения из Священного писания, исполняются церковные песнопения, которыми столь богата эфиопская церковь, так называемые священные танцы с молитвенными посохами и музыкальным сопровождением (систры и барабаны), импровизируются духовные стихи — кыне.

Нуждается церковь и в знатоках церковного календаря, канонического права, патристики и экзегезы.

Этим запросам и отвечает высшая церковная школа, состоящая соответственно из школы пения, школы духовной поэзии и школы комментаторов Священного писания.

Ученик, желающий поступить в одну из высших школ, оставляет своих родителей и присоединяется к сонму странствующих студентов, так как высшие школы имеются далеко не в каждом приходе. Нередко школяры тайком покидают отчий дом вопреки воле родителей. Многих привлекает не только стремление продолжить учебу, но и романтика, связываемая обычно с жизнью странствующего студента, о которой рассказывается немало занятных историй.

На долгие годы, а нередко и навсегда покидает будущий студент свою родную деревню. Отныне одежда его — дэбэлэ (накидка из бараньей или козьей шкуры), пища — колё (жареные зерна), в руке его — посох, а на ремне через плечо — акофада (плетенная из пальмовых листьев сума для сбора подаяния). Это знаменитый эфиопский странствующий студент — еколё тэмари. Странствующие студенты, как правило, — выходцы из крестьянских семей, иногда это дети священников, очень редко — выходцы из высших классов.

Пересекая границу своей провинции (обычно группами в три-пять человек), будущие студенты меняют свои имена. Это делается для того, чтобы избежать розысков со стороны родственников, «обмануть» болезни и прочие напасти. Какую-то роль играет в этом обычае, вероятно, и воспоминание о перемене имен учениками Христа (апостолами). Выбираются имена пророков, апостолов и прочих библейских персонажей [4, с. 21].

Школы пения. Самые известные из них находятся в провинции Бэгемдыр. Туда устремляются студенты, желающие специализироваться в одной из четырех дисциплин, преподающихся в такой школе, или закончить ее, с тем чтобы поступить затем в школу духовной поэзии. Потратив две-три недели на дорогу, будущие студенты отыскивают нужную им школу, справляются об имени учителя (преподаватель пения носит титул «мэри гета»), знакомятся с радушно принимающими их студентами. Об их прибытии докладывают преподавателю. Последний по окончании занятий знакомится с новичками, спрашивает, откуда они прибыли и чего хотят. Некоторое время у студентов уходит на устройство жилья: живут студенты обычно по два-три человека в хижине, которую они сами себе строят. Основным средством пропитания для них является ми-

лостыня. Просить подавание ходят по очереди в близлежащие деревни, которые распределяются между студентами по жребию. Границы сбора милостыни строго соблюдаются и могут быть нарушены только по праздничным и базарным дням.

В школе пения собирается обычно от 30 до 40 студентов [4, с. 25]. Освоившись с обстановкой и наладив быт, новички приступают к занятиям. Начинаются занятия с 8 часов утра и продолжаются с перерывом на обед до 5 часов вечера. После сбора милостыни и вечерней трапезы вновь начинаются занятия, но теперь без книг. Это уже знакомые нам по начальной школе устные занятия, продолжающиеся с 8 до 10 часов вечера. Как и в начальной школе, с полудня субботы и до понедельника, а также по большим праздникам студенты отдыхают, участвуя, однако, в богослужении.

После общей молитвы учитель распределяет студентов на группы в зависимости от изучаемых ими гимнологических сборников. Первая группа изучает так называемую «Постную Дыггву» («Цомэ Дыггва») и «Главу» («Мы'ураф»). «Постная Дыггва» содержит церковные песнопения на период великого поста. «Глава» представляет собой богослужебный устав с песнопениями, включающий общий порядок всенощного бдения («Вазема), общий порядок воскресной службы («Мэваддыс»), порядок праздничной службы («Кыстат зэ-Арьям»), утренние молитвы («Сыбхатэ нэгх»), порядок великопостной службы («Мы'ураф зэ-цом») и молитвы-заклинания («Мыхылля»).

Вторая группа изучает обширный сборник церковных гимнов на весь год (за исключением исполняемых во время литургии, службы часов и великого поста), именуемый «Дыггва».

Традиция эфиопских ученых-книжников приписывает авторство вышеупомянутых гимнологических сборников Яреду-слакопевцу (VI в.), обучившему им священников, которые и передавали эти гимны изустно из поколения в поколение. Первую полную запись этих гимнов традиция относит ко времени Зара-Якоба (1434—1468), знаменитого царя-богослова, автора нескольких сочинений, в том числе «Господь воцарися» («Эг-зиабхер нэгса») [5, с. 74].

Третья группа изучает сборник песнопений, исполняемых хором певчих в конце литургии в честь таинства евхаристии (именуемых «Зыммаре»), и сборник антифонов («Мэвас'ыт»), которые поются на похоронах и в дни поминовения усопших. Данные сборники — не столь обширные, как «Дыггва», «Постная Дыггва» или «Глава», — включаются обычно в состав последней, реже записываются и переплетаются отдельно. В этой же группе те из студентов, которые хотят стать преподавателями литургии в средней школе, изучают дополнительно литургические гимны и Часослов.

Учитель занимается сам лишь со старшими, далеко продвинувшимися в изучении гимнов учениками. Последние «натаскивают» начинающих. Разучив свой гимн, студент поет его перед

учителем. Учитель или одобряет студента и дает ему новое задание, или делает необходимые замечания и заставляет практиковаться далее. Огромное количество гимнов заучивается таким образом наизусть. Обучение занимает, естественно, много времени и больше развивает память студента, нежели его способность мыслить самостоятельно. Несмотря на продолжительность учебы (на изучение «Постной Дыггвы» и «Главы» уходит три года, песнопений «Зыммаре» и антифонария — два года [5, с. 290]) и ее монотонность, студенты учатся весьма прилежно, ибо впереди перспектива получения определенной должности в церковной иерархии. Хорошее пение к тому же высоко ценится прихожанами. Чтобы сделать свои голоса приятными и сладкозвучными, некоторые студенты прибегают даже к магическим снадобьям — проглатывают, например, живую пчелиную матку с медом [8, с. 10].

В школе пения студенты овладевают также и нотной грамотой. Заметим, что знание возможно большего количества гимнов облегчает овладение своеобразной нотационной системой, применяющейся в эфиопской гимнографии. Первые «нотированные» рукописи появляются в Эфиопии лишь в XVI в., хотя эфиопская устная традиция приписывает изобретение основных нотных знаков, напоминающих древнерусские крюки, все тому же Яреду-сладкопевцу. Эти знаки указывают направление движения голоса, звуковые акценты и т. п. В XVI в. способ нотации был, видимо, усовершенствован: помимо основных знаков, означавших отдельные ходы голоса, поверх текста мелким почерком стали писать слоги, взятые из каких-либо гимнов, напев которых певцы, предполагается, прекрасно знали. Слоги эти могут обозначать начало и конец целой фразы из какого-либо гимна или ряды характерных звуков, встречающихся в том или ином гимне. Таким образом, чем больше гимнов студент знает, тем лучше он понимает нотационную систему.

Каждый студент, изучивший пение гимнов (кум зема), стремится овладеть и искусством хорового пения, именуемого «акваквам». Для этого приходится идти в Гондэр, бывшую столицу Эфиопии, — город образованных, утонченных книжников. Года два студенты подвизаются в пригородах, изучая местные обычаи, особенности гондэрского диалекта, запасаясь продовольствием и по возможности деньгами. В то же время при одном из периферийных соборов они практически изучают искусство хорового пения, сопровождаемого особыми ритмическими движениями с применением молитвенных посохов и музыкальных инструментов: систров и барабанов. Затем они отправляются в Гондэр, где в течение одного года совершенствуются в этом искусстве в одной из знаменитых гондэрских школ хорового пения.

Все традиционно образованные эфиопы отмечают гордость и даже некоторую надменность преподавателей хорового пения. Ученики стремятся подражать им, держатся так же не-

зависимо, так же форсисто повязывают тюрбаны, заводят изящные посохи и систры в красивых футлярах. Почтительное обращение к учителям — «енета» (господин мой) — сменяется несколько бесцеремонным — «ава», «айва» (брат, приятель) [4, с. 45]. Само учение называется здесь «кыттэля», т. е. следование, подражание. Состоит оно в овладении целым рядом приемов искусства хорового пения, например зыммаме — пение, сопровождаемое движениями тела с молитвенным посохом, ны'ус мэргэйд — пение под спокойный аккомпанемент систров и барабана, цыфат — пение, сопровождаемое особо быстрыми движениями тела и ускоренным ритмом музыкального сопровождения (цыфат означает, собственно, заушение и символизирует заушение, т. е. оскорбление, поношение Христа иудеями), мэльс — антифонное пение особо приятным, нежным голосом, когда две группы хора то сходятся, то расходятся [5, с. 112—114].

Торжественное, церемониальное танцевальное действо в целом, сопровождаемое хоровым пением, именуется «шыбшэба». Все ритмические движения при хоровом пении, способы музыкального сопровождения строго упорядочены и символичны. Запрещены, например, движения шеей и бедрами. Движение посохом справа налево, затем вверх и вниз символизирует передачу Христа первосвященнику Каиафе, распятие его на кресте и погребение. Столь же символичны и все остальные ритмические движения, но символика эта еще не изучена должным образом и не раскрыта.

Студенты, закончившие школу пения, отправляются, как правило, в провинцию Годжам для овладения искусством духовного стихосложения и грамматикой языка геэз. На это уходит от двух до пяти лет (в зависимости от глубины изучения). Те, кто желает специализироваться в одной из дисциплин школы пения, вновь возвращаются в нее (дело в том, что только школа духовной поэзии дает хорошее знание геэз — языка литургии и церковных песнопений). Большая часть таких студентов стремится специализироваться в изучении «Дыггвы», самой распространенной и престижной дисциплине школы пения. Для этого изучившие «Дыггву» должны переписать ее, снабдить музыкальной нотацией и отправиться с этой книгой в монастырь Бетэ Лехем (провинция Бэгемдыр).

Как пишет Хабтэ Марьям Воркнех, в былые времена таких претендентов в Бетэ Лехеме собиралось до 100 человек [5, с. 100]. Занятия здесь носят индивидуальный характер, и приходится ждать две-три недели, чтобы попасть к учителю. Тем не менее во время занятий присутствуют все студенты: слушают, вносят в свои книги необходимые исправления или дополнения. На углубленное изучение «Дыггвы» уходит около двух лет. После проверки знаний претендент получает диплом (емысыккыр вэрэкэт) и почетное звание «мэри гета». Диплом представляет собой лист пергамента, на котором учитель сви-

детельствует об успешном прохождении претендентом полного курса дисциплины и ставит свою печать. На книге претендента учитель также ставит печать, а в соответствующий приход (по месту рождения или найма претендента) он посылает рекомендательное письмо.

Часть студентов направляется в местечко Зур Амба в провинции Бэге́мдыр для усовершенствования в гимнах «Зымма-ре» и «Мэвас'ы́т», на что уходит до полугода [4, с. 63]. Поскольку в литургической школе эти гимны преподаются вместе с литургией, студентам приходится затем отправляться в одну из высших литургических школ для получения диплома, дающего право на преподавание литургии в средней школе. Одна из этих школ — Дэ́брэ Аббай — находится в провинции Тигре, вторая — Сэ́лелькулла — в провинции Уолло. На углубленное изучение литургии уходит от полугода до года [4, с. 63]. Для получения диплома на право преподавания искусства хорового пения следует пройти испытание в одной из школ Гондэ́ра, известных под названиями «Верхний дом» и «Нижний дом».

Школа поэзии. Закончив школу пения, студенты отправляются в школу поэзии (кы́не). Поскольку все духовные стихи исполняются на строго определенную мелодию, перед поступлением в школу кы́не необходимо закончить школу пения. Попытки заняться изучением кы́не, минуя школу пения, как правило, не дают результата. Часть студентов, проведя до двух лет в школе поэзии, возвращается, как отмечалось, в школу пения для специализации в одной из ее дисциплин. Другая часть остается в школе кы́не для углубленного изучения духовного стихосложения.

Школами кы́не славится Годжам, куда и устремляются студенты со всех концов страны. Они идут туда небольшими группами по три-четыре человека, обычно в праздничный сезон, так как в это время легче найти пропитание в дороге (странствующего студента всегда угостят и одарят на праздничном обеде, на свадьбе, на поминках). В школе кы́не студентов вводят в геэзскую грамматику и обучают искусству сложения духовных стихов в пределах строго определенного канона. Искусство кы́не является, пожалуй, самым оригинальным явлением традиционной эфиопской культуры. Формально речь идет о рифмованных строках (число которых может быть различным в зависимости от типа кы́не), импровизируемых во время богослужения после чтения того или иного псалма или молитвы. Помимо поэтического таланта для такой импровизации требуется глубокое знание библейского текста, эфиопской истории, устной христианской традиции. Необходимы и тонкое знание языка геэз, и, наконец, умение (в некоторых случаях) скрыть под очевидным, поверхностным смыслом скрытый, основной⁴. Чтобы овладеть искусством кы́не, нужно провести в Доме поэзии от четырех до пяти лет [4, с. 53].

Начинаются занятия с изучения простейшей формы стихов, именуемой «губа'е кана» (собрание в Кане), названной так, очевидно, в память Каны Галилейской. Эта форма стихов состоит всего из двух рифмованных строк. Затем в последовательности возрастания сложности изучаются следующие формы кыне: «зэ-амлакья» («только на бога...», по первым словам псалма 62) — состоит из трех строк; «мибэзху» («как много...», псалом 3) — состоит из трех же, но долгих с развернутыми сравнениями строк; «вазема» («всенощное бдение», по виду службы, во время которой она исполняется) — состоит из пяти строк; «сылласе» («троица», названная так потому, что исполняется с песнью трех отроков [3 Даниила, 52—56], символизирующих Троицу) — состоит из шести строк; «зэ-иезе» («ныне», по началу песни Симеона) [Лук. 2, 29]) — состоит из пяти или шести строк; «кыбр иети» («слава эта», псалом 149), состоит из четырех строк; «ытанэ могэр» («воскурение ладана», названная так потому, что исполняется после причастия, когда крест кадят ладаном) — состоит из семи или одиннадцати строк. Наконец, после трех-четырех месяцев учебы переходят к изучению наиболее сложной формы кыне, называемой «мэваддыс» (воскресная служба), которая состоит из семи или девяти строк.

Таковы наиболее распространенные формы кыне, хотя имеются и другие, но не принятые повсеместно.

Студенты изучают искусство кыне с большим интересом. Содержание текстов, которые прежде приходилось механически запоминать, впервые становится для них понятным. У них пробуждается как интеллектуальный, так и эстетический интерес. Кроме того, образование, полученное в школе кыне, является необходимым условием для желающих учиться дальше — в школе экзегезы.

Занятия в школе кыне, где может одновременно собираться до 200—300 учеников [4, с. 50], начинаются после обеда или рано вечером — обычно на открытом воздухе. После общей молитвы учитель объясняет, как спрягаются те или иные геэзские глаголы, иллюстрируя на примере тут же сочиненных стихов правильное употребление выбранных глаголов и имен. Затем учитель излагает истории и легенды о святом, память которого празднуется на следующий день. Этим задается тема для кыне, которые ученики обязаны сочинить, используя лексику и грамматические правила, о которых им рассказали на занятиях.

Так как все стихи поются, студенты стараются за вечер подыскать подходящую мелодию для той формы духовного стиха, в которой они собираются сочинять. Наутро они разбредаются в разные стороны в поисках уединенного места, где и обдумывают свою композицию. Они полностью поглощены своей задачей и уже «ничего не видят и не слышат» [4, с. 55]. Энбаком Калевольд сравнивает эти творческие муки с муками рожени-

цы, полагая, что последней легче, поскольку при ней есть по-витуха, а студенту и помочь некому [4, с. 56].

Составив стихи по заданной форме, студенты приходят к учителю и читают ему свои произведения. Он подбадривает их улыбкой, пословицами. Выслушав, он либо одобряет стихи, либо высказывает свои критические замечания и отсылает студентов для дальнейших размышлений.

Днем все студенты собираются вновь, и в общей, иногда жаркой дискуссии обсуждаются результаты их работы.

Когда учитель убеждается, что ученик способен к импровизации, он устраивает ему «выступление» в церкви под конец церковной службы в один из праздничных дней. Это очень высокая честь и в то же время суровое испытание. Студент исполняет свою композицию негромким голосом, а специально назначенный певец тут же воспроизводит ее звонко и отчетливо. В случае успеха в конце выступления раздается дружное «мэлькам, мэлькам!» («хорошо, хорошо!»). Если же ученик сбивается, то его тему подхватывает опытный певец и импровизирует по-своему. В этом случае вместо одобрительного «мэлькам» воцаряется молчание. Это — провал.

Окончив одну из школ поэзии, студенты, желающие сами стать преподавателями кыне, посещают другую известную школу (кроме Годжама такие школы имелись в Вадла, провинция Уолло, и в области Ласта) для изучения разнообразнейших видов кыне. Но обычно выпускник такой школы получает место в церкви и служит в хоре, где он импровизирует стихи и поет. Он же занимается нередко и перепиской книг, а иногда получает место церковного старосты.

Школа кыне является, пожалуй, единственной школой, где студенты могут (в определенных рамках) развивать свои интеллектуальные и эстетические способности. По общепринятому в Эфиопии мнению, наиболее выдающиеся церковные деятели выходят именно из школы кыне. Среди преподавателей, как и среди их учеников, развит дух соперничества. Нередко устраиваются шуточные состязания в искусстве стихосложения и знании грамматических тонкостей. Наиболее искушенные в сочинении кыне преподаватели во время таких состязаний импровизируют 100 и более стихов подряд, демонстрируя необыкновенную находчивость и остроумие, столь высоко ценимые эфиопами. Овладение искусством кыне требует огромного расхода нервной энергии и дается нелегко. Многие из студентов прибегают для развития своих способностей к сильнодействующим снадобьям. Чаще всего применяются растертые и смешанные с медом зерна пажитника — абшо (*Datura stramonium*). В студенческой среде по этому поводу сложилась такая пословица: «Пива без гешо⁵, а стихов без абшо не бывает» («Тэлля яле гешо кыне яле абшо»). После приема такого снадобья студент 2—3 дня находится в полубезумном состоянии: горящие глаза, пена на губах, бессвязные речи, которые окру-

жающими воспринимаются как пророческие [8, с. 9]. Тем не менее студенты идут на это. Стать знаменитым импровизатором (кыне ззрафи) весьма престижно, а впереди — должность преподавателя или церковного старосты. Наконец, студент, успешно окончивший школу кыне, может поступить и в школу экзегезы, т. е. достичь высшей и почетнейшей степени учености.

Школа экзегезы. Некоторая (приблизительно $\frac{1}{10}$) часть студентов по окончании школы кыне поступает в высшую школу богословской экзегезы. Как правило, туда идут наиболее способные студенты, имеющие характер серьезный, спокойный и обладающие философскими склонностями. Здесь для них открываются четыре области специализации:

1. Толкование книг Ветхого завета (Былюй).
 2. Толкование книг Нового завета (Хаддис).
 3. Толкование святоотеческих писаний (Ликавунт) вместе с каноническим правом и церковным календарем.
 4. Толкование монашеских писаний (Мэнэкосат).
- Эфиопский библейский канон включает 81 книгу: 46 книг Ветхого завета и 35 книг Нового завета.

Эфиопские книжники едины в оценке числа канонических книг (81), но расходятся в отношении их состава. На практике экзегезе подвергаются далеко не все книги этого канона. В первую очередь толкуются книги, используемые в богослужении. Этим в какой-то мере обеспечивается единообразное понимание библейских текстов священниками, а через них и прихожанами (в новое время толкование библейских чтений стало даваться во время богослужения). К тому же толкование всех книг Ветхого или Нового завета одному человеку не по силам. Преподаватели являются, как правило, специалистами по нескольким книгам, а иногда только по одной. В случае смерти такого специалиста нередко уходит в небытие и толкование книги, бывшей предметом его специализации.

Обычно студенты изучают одну из областей экзегезы, но есть ученые, овладевающие двумя, тремя или даже всеми четырьмя областями. Последних называют «четыреглазыми» («арат айна») [5, с. 216].

Школы экзегезы имеются только при крупных соборах и монастырях, где есть достаточно крупные библиотеки и известные учителя — толкователи Священного писания.

В Доме писания студенты изучают церковную традицию, богословие, церковную историю и каноническое право посредством толкования соответствующих книг. Толкование происходит не по какой-либо категориальной системе (богословской или исторической). Толкуется каждое предложение или фраза каждой отдельной книги в зависимости от поднимаемых в нем или в ней (фразе) богословских, исторических и моральных вопросов. Имеется три способа толкования. Первый именуется «еандым тыргваме». Условно этот термин можно перевести как «во-первых», а также «или». При этом способе толкования да-

ется 10—15 различных комментариев к одному предложению вплоть до полного выяснения его скрытого смысла. (Такова, например, интерпретация Ветхого завета как содержащего в скрытом виде образы и понятия Нового завета [5, с. 217—218].

Второй способ толкования именуется «нэтэля тыргваме», т. е. простое толкование. Это — буквальный перевод [5, с. 218—219].

Третий способ именуется «емыстир тыргваме», т. е. толкование тайны. Это — прямая передача скрытого смысла [5, с. 210].

Эфиопская традиция богословской экзегезы восходит, вероятно, еще к аксумским временам и, по мнению некоторых ученых, связана с Александрийской богословской школой, стремившейся (в отличие от Антиохийской) к выяснению не только буквального, но и скрытого смысла библейских текстов, к аллегорическому их толкованию [10, с. 146].

Как протекает сам процесс обучения экзегезе? Студенты приходят к учителю группами по 3—4 человека, изучающими один и тот же текст. Один из группы торжественно, нараспев читает предложение или фразу на языке геэз. Учитель сначала переводит ее на амхарский, затем комментирует, управляя процессом толкования с помощью определенных сигнальных слов. Если прочтенный отрывок слишком краток (недостаточен для толкования), он говорит «йтчэммырбэт» (добавить). Если в ходе объяснения учитель теряет нить рассуждений, он говорит «ймэльс» (повторить!). Если чтец случайно повторяется, учитель возвращает его к нужному месту словом «авырджалле-ху» (я это уже объяснял!). К чтению же он побуждает словом «аврыд» (доводи!) [10, с. 142]. Студенты внимательно слушают и стараются запомнить комментарий слово в слово.

Затем приходит другая группа, а первая самостоятельно повторяет предыдущую процедуру. После этого первая группа возвращается к учителю и повторяет упражнение перед ним. Огромный комментарий должен таким образом запоминаться наизусть с максимальной точностью. Учитель передает его своим ученикам в том самом виде, в каком он некогда получил его из уст своего учителя. Памяти учителя доверяют даже больше, чем записанному тексту. Если зачитывающийся текст отклоняется от того вида, в каком он запечатлен в памяти учителя, последний вмешивается и исправляет священный текст по памяти [10, с. 143].

В школе экзегезы выше всего ценится точность передачи комментария. Ученик, обладающий этим качеством, пользуется всеобщим уважением. Именно такой ученик может претендовать на место преподавателя экзегезы. Учителя, слишком увлекающегося толкованием текстов, несколько опасаются: считается, что такая излишняя увлеченность может привести к ереси. Среди студентов по этому поводу бытуют пословицы: «Табаку зелени, а еретику красноречия не занимать», «Кто мо-

жет соперничать на дереве с обезьяной, а на словах с еретиком?» [5, с. 218]. Некоторые из экзегетов, склонные к собственным размышлениям, объясняют поэтому свои толкования лишь очень близким, преданным ученикам в личном порядке, а не во время занятий [5, с. 218].

Так же как и в случае со школами пения и школами кыне, те или иные регионы страны традиционно славятся своими школами экзегезы в той или иной ее области. Годжам славится школами толкования Ветхого завета, Гондэр — Нового. Школы по изучению патристики и монашеских писаний имеются в Гондэре, а также в Анкобэре (провинция Шоа). Благодаря известной искушенности в предыдущих науках и феноменально развитой памяти студенты овладевают экзегезой книг Ветхого завета в течение двух лет. Столько же времени уходит и на овладение экзегезой книг Нового завета. Изучение патристики и монашеских писаний занимает три года.

На отделении патристики изучаются следующие книги: сборник «Кирилл» («Кериллос»), «Толкование Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям» («Йоханннс Афэворк»), сборники «Вера отцов» («Хайманотэ абэу») и «Право царей» («Фытха нэгэст»).

Сборник «Кериллос» представляет собой собрание христологических и тринитологических трактатов и проповедей, направленных против несторианства и составленных вскоре после Эфесского собора (431 г.). Главное место среди них занимает трактат «О вере православной» Кирилла Александрийского, именем которого и назван весь сборник. Этот сборник был переведен с греческого оригинала на геэз еще в аксумскую эпоху (предположительно в VI в.), хотя его текст дошел до нас лишь в сравнительно поздних списках XVI—XVII вв.

«Толкование Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям» было переведено с арабского на геэз известным церковным и литературным деятелем XVI в. Аввакумом и египтянином Михаилом.

Сборник «Вера отцов» представляет собой обширный свод догматических извлечений из высказываний отцов церкви (от апостолов до коптского патриарха Христодула, 1050—1078) в защиту монофизитства. Этот сборник был составлен в конце XI в. в Египте и переведен с арабского на геэз в XVI в.

На отделении патристики изучается и комментируется также и обширный сборник по каноническому (церковному и светскому) праву, именуемый «Право царей». Это перевод «Номоканона», составленного в XIII в. в Египте Ибн ал-'Ассалем для египетских христиан. В конце XVI в. он был переведен с арабского на геэз дьяконом Петросом Гэбрэ Эгзиабхером с помощью египетского клирика Авраама. Если в Египте «Номоканон» Ибн ал-'Ассалья служил только учебником права для коптских школ, то в Эфиопии этот сборник вплоть до нового времени считался авторитетным источником права при любых

судебных разбирательствах. Стремление освоить «Право царей» было велико, хотя далеко не всех студентов допускали к его изучению. Это чрезвычайно сложное терминологически и по содержанию сочинение требовало от студентов массы времени и усердия. Видимо, в их среде сложилась об этой книге поговорка: «Тот, кто судит по „Фытха нэгэст“, и тот, кто учит числам (календарным вычислениям.— В. П.), другим книгам не обучает», т. е. все его время занято изучением этих книг.

На том же отделении в течение полугода студенты-экзегеты овладевают искусством календарных вычислений по книгам «Бахрэ хасаб» («Море счисления») и «Мэрха эвур» («Поводырь слепца»). Книги эти содержат расчеты пасхалий, постов, праздников и прочие календарные выкладки. Реже изучается здесь довольно обширный хронографический свод египетского дьякона Абу-Шакира (именуемый по имени автора «Абушахыр»), составленный им в XIII в. и переведенный с арабского на геэз в XVI в. Свод этот содержит, между прочим, сведения о греческом, еврейском, коптском, мусульманском и других календарях. Именно отсюда, как нам представляется, заимствовали их эфиопские книжники для тех хронологических выкладок, которые мы нередко встречаем в хрониках и житиях.

На четвертом отделении школы экзегезы изучаются и комментируются три неперенные книги: «Старец духовный» («Арэгави мэңфэсави»), «Исаак Ниневийский» («Мар Йэсахак»), «Филоксен» («Филькысьёс»).

Первая книга представляет собой свод аскетических писаний сирийского монаха Иоанна Сабы (VI в.), переведенный с арабского на геэз по инициативе царя Лебна Дэнгэля в XVI в. Этот сборник состоит из 36 проповедей о монашеской жизни, 48 посланий на ту же тему, трех проповедей о «высших степенях познания» и послания старца своему брату.

Вторая книга представляет собой трактат об аскезе другого сирийского автора VI в.—Исаака Ниневийского. Текст этого сочинения дошел до нас только в списках XVII, XVIII и XIX вв. Но, судя по близости содержания, перевод обеих книг с арабского был, вероятно, осуществлен приблизительно в одно и то же время.

Третья книга представляет собой труд в четырех главах, построенный в форме вопросов и ответов, о нормах и правилах монашеской жизни, составленный сирийским автором Филоксеном, епископом Маббургским (485—519). Книга была переведена с арабского на геэз еще в XVI в. знаменитым аввой Саламой II, митрополитом Эфиопии (1348—1388).

Следует сказать, что «книги монашеские», очевидно в силу специфики их содержания, в наши дни находят все меньше желающих их изучать, да и знатоки этих книг постепенно исчезают. Ф. Хейер, занимавшийся вопросом экзегезы в самой Эфиопии в 1970 г., писал, что учителя, способного толковать «книги монашеские», ему удалось найти только в монастыре

Дима (провинция Годжам), отрезанном от всяких путей сообщения. Но и тот уже никого не обучал, так как, по его словам, «ныне никто из студентов не интересуется такими аскетическими предметами» [10, с. 141]. И все же сравнительное обилие списков «Кирилла», «Иоанна Златоуста», «Веры отцов», «Права царей», «Старца духовного», «Исаака Ниневийского» и «Филоксена» даже в европейских библиотеках объясняется только тем, что книги эти изучались в школе экзегезы и что потребность в них была больше, нежели в царских хрониках и даже житиях местных святых, гораздо скромнее представленных не только в европейских, но и в эфиопских собраниях рукописей.

Закончивший школу экзегезы обладает большим авторитетом как ученый, может занять высокий пост в церковной иерархии — стать настоятелем монастыря или большого собора. В прошлом такие люди нередко привлекались и на государственную службу в качестве царских историографов, личных секретарей, различного ранга чиновников. Надежда на такой пост являлась одним из мотивов, заставлявших студента провести чуть ли не половину жизни в учении, претерпевая массу трудностей и лишений. А жизнь странствующего студента нелегка. Страдает он от ночного холода и голода. Многие болеют чесоткой и куриной слепотой — дафынт (последнюю даже называют студенческой болезнью). Нередко их кусают собаки во время сбора подаяния. У многих расстраивается психика, некоторые слепнут, но продолжают учебу. Преждевременная смерть — нередкое явление в их среде. По этому поводу в народе были сложены щемящие душу стихи:

Прошло уж семь лет,
Как умер студент.
А мать его ждет:
«Обучившись, придет».
(Тэмари бэмотэ
Бэсэбат амэту
Тэмро ймэталъ
Тыляллеч энату) [6, с. 31].

Трогательно возвращение такого лика (ученого) в родные края. Он целует родную землю, траву, листья деревьев. Плачет. У встречаемых пастухов или дровосеков он спрашивает, не знают ли они таких-то и таких-то. А кто они тебе? Отец (брат). А ты откуда, как тебя зовут? Из Гондэра, зовут так-то. Те бросают свои дела, кто-нибудь бежит предупредить родственников. И стар и млад выбегают навстречу ученому земляку. Обнимают, целуют его. Каждый приносит то, чем богат: мед, пиво и пр. Первый встретивший его закалывает барана. Устраивается пир с песнями. Расспросы, рассказы. Как говорит сам испытывавший все это алека Энбаком Калевольд, «радость одного этого дня перечеркивает тяготы тридцати лет» [1, с. 77].

Следует добавить, что многие из студентов сверх собствен-но «книжной премудрости» овладевают и необходимыми для

церковного обихода ремеслами (тэгбарэ эд). Обучаются этим ремеслам главным образом в Бэземдыре, в местечке Эндабет. Здесь приобретаются навыки в выделке пергамента, изготовлении чернил и красок, тростниковых и бамбуковых перьев. Здесь обучаются они каллиграфии (кум цыхфэт), искусству переплета книги и тиснения, искусству иллюминации рукописей и церковной живописи, резьбе по дереву и камню. На все это уходит до трех лет [1, с. 71].

Разумеется, в наши дни описанная выше система традиционного образования претерпела существенные изменения. Собственно, изменения эти начались уже со времен Менелика II, когда Эфиопия вступила в эпоху нового времени. Это и понятно, поскольку такая, по существу, средневековая система образования не могла удовлетворить потребности модернизирующегося общества. Церковное образование становится в Эфиопии все более периферийным. Замечено, что, чем больше светских государственных школ открывается в сельской местности, тем меньше становится контингент учащихся в церковных школах. Сельские жители все реже усматривают пользу от посещения их детьми церковных школ [9, с. 340].

Институт странствующих студентов также постепенно приходит в упадок. Основная причина заключается, видимо, в том, что выпускники высших церковных школ утратили в обществе свой традиционный статус элиты, который имеют теперь люди с современным, европейского типа образованием.

Функция системы церковного образования в Эфиопии в наши дни сводится к минимально необходимому воспроизводству церковных кадров, и лишь в глубинке она функционирует еще в качестве начальной школы.

Вместе с тем эфиопская церковь прилагает усилия к тому, чтобы не отстать от века и в какой-то степени модернизировать систему церковного образования. В kurikulum церковных школ включаются ныне такие предметы, как английский язык, медицина, математика [7, с. 11]. В Аддис-Абебе открыта высшая церковная школа — Богословский институт св. Павла, сменивший закрытый после революции 1974 г. Богословский колледж св. Троицы, существовавший с 1945 г. Имеется семь семинарий для подготовки священнослужителей. Существует также несколько центров повышения квалификации для священников при епархиальных управлениях в провинциях Годжам, Шоа, Сидамо, Иллубабор, Гэму-Гофа и Тигре⁶. Некоторое количество студентов продолжает богословское образование за рубежом.

Отметим в заключение наиболее характерные черты описанной выше системы традиционного образования.

Это прежде всего резкое разделение между письменным текстом и устным обучением. Текст всегда на мертвом языке геэз, а обучение на живом амхарском, устное и основанное на запоминании.

Учебные пособия при этой системе обучения практически отсутствуют. Главную роль в ней играет учитель. Отсюда огромное значение меморизации, отчасти объясняемое дороговизной и редкостью пергаменных книг. Но дело не только в этом. Согласно традиционной христианской системе взглядов, истина уже дана в откровении. Священные тексты, следовательно, должны запоминаться вместе с их толкованиями точно в том виде, в каком они были открыты святым отцам и передаются из поколения в поколение. Критическая работа ума, пылливость, любознательность не только не поощряются, но воспринимаются как губительные для души пороки, которые следует тотчас же истреблять самыми суровыми мерами. Дома ребенку рассказывают страшные истории о пагубных последствиях любопытства. В школе зубрежка и суровая дисциплина отбивают у него естественную для детей любознательность.

Цель такой системы обучения состоит не столько в расширении знаний о мире, сколько в воспитании в человеке восприятия существующего природного и социального порядка вещей как богоустановленного. Интересно, однако, отметить, что, по единодушному мнению эфиопов, дух нонконформизма часто наблюдается среди мастеров кыне и ученых, достигших высшей ступени традиционной образованности. Ученость, приобретаемая на высшей стадии даже этой сугубо консервативной системы образования, стимулирует определенную независимость мысли.

Еще раз подчеркнем центральную роль учителя на всех ступенях обучения. Отношения между учителем и учениками — в отличие от современной школы — самые тесные. Учитель в школе — это строгий, но заботливый отец. Он не может быть плохим (некомпетентным), поскольку к такому учителю студенты просто не придут. Он не только дает ученикам знания, но и обучает их правилам традиционной этики и этикета («гыбрэ гыбнэт»). Идеал истинно образованного человека — это человек вежливый, уважающий старших, почитающий принятые в обществе традиции, компетентный в своей области знаний.

Трудности, с которыми приходится сталкиваться странствующему студенту, оставляют глубокий отпечаток на его характере: он в высокой степени дисциплинирован и самостоятелен, хорошо подготовлен к трудностям жизни.

Консерватизм является качеством, внутренне присущим рассмотренной выше системе образования. Это вполне естественно и понятно. Не так уж трудно, вероятно, с высоты XX в. взирать на эту систему с чувством превосходства. Не нужно, однако, забывать, что во многом благодаря сознательному консерватизму этой системы сохранены в Эфиопии ее уникальная литература, своеобразная музыкальная культура, искусство настенных росписей и миниатюры, традиционные ремесла. Благодаря традиционной школе сохранен в Эфиопии язык геэз,

из которого, кстати, щедро черпается лексический материал для создания современной философской и социально-политической терминологии.

Все это — существенная часть культурного наследия Эфиопии, которое привлекает все большее внимание и в самой Эфиопии, и за ее пределами.

¹ Главный архимандрит всех монастырей дабралибаносского (по имени главного монастыря Эфиопии — Дабра Либаноса) устава и фактический администратор Эфиопской церкви. С получением Эфиопской церковью автокефалии (1959) и возведением ее в степень Патриархии патриарх Эфиопской церкви стал осуществлять и функции ийчеге. Митрополит (абунэ) Эфиопии вплоть до 1950 г. назначался патриархом Коптской церкви из египетских монахов.

² Мы позволим себе употреблять впредь настоящее время, памятуя, однако, о том, что ныне сохранились лишь остатки этой системы в эфиопской провинции.

³ В отличие от «Азбуки апостольской», умещавшейся на одном листке пергамена, соборные послания составляли уже целую книжицу, которую приходилось переплетать. Отсюда и название.

⁴ По принципу, который получил у эфиопов название «воск и золото» («Сэммынна ворк»): мастер лепит фигуру из воска, покрывает ее глиной и обжигает; воск плавится и сгорает, а в образовавшуюся форму мастер льет расплавленное золото, получая золотую отливку — копию восковой фигуры. Очевидный, поверхностный смысл кыне уподобляется воску, скрытый, но основной — золоту. Например:

	Ако ээ-тэмхырэ йкэввын мэмхырэ.
«Воск»:	(Не всякий обучившийся станет учителем.)
«Золото»:	Познакомившийся с чесоткой станет учителем.

(Чесотка весьма распространенная болезнь среди странствующих студентов). Пример взят из устного сообщения эфиопского священника Мэээммыра Бырру.

⁵ Гешо (*Rhamnus prinoides*) — растение, листья которого употребляются вместо хмеля при изготовлении ячменного пива.

⁶ Согласно устному сообщению Мэээммыра Бырру.

Л и т е р а т у р а

1. *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
2. *Платонов В. М., Чернецов С. Б.* Эфиопская рукописная книга. — Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М., 1987.
3. *Тураев Б. А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.
4. Еитьёпья бахль лематнат этэсэбэссэбу цыхуфоч: Сыле итьёпья бетэ крыстиан тымышхырточ. Аддис-Абеба, 1965 (на амхарском языке).
5. Тынтави еитьёпья сыратэ тымышхырт. Аддис-Абеба, 1970 (на амхарском языке).
6. Тынтавиу еколё тэмари. Аддис-Абеба, 1963 (на амхарском языке).
7. *Girma Amare.* Aims and Purposes of Church Education in Ethiopia. — *Ethiopian Journal of Education*. 1967, vol. I, № 1.
8. *Haile Gabriel Dagne.* Education Magic in Ethiopia. — *Ethiopian Journal of Education*. Vol. 4, № 2, 1971.

9. *Haile Gabriel Dagne*. Non-Government Schools in Ethiopia.— Language in Ethiopia. L., 1976.
10. *Heyer Frederick*. The Teaching of Tergum in Ethiopian Orthodox Church.— Proceedings of the Third International Conference on Ethiopian Studies. Vol. II. Addis Ababa, 1966.
11. *Levine D.* Wax and Gold. Tradition and Innovation in Ethiopian Culture. Chicago, 1956.
12. *Pankhurst R.* The Foundation of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia.— Ethiopia Observer. 1962, vol. 6, № 3.